

"Ньюкомы", роман В. М. Теккерея

Уильям Мейкпис Теккерей. Творчество; Воспоминания; Библиографические разыскания
М., "Книжная палата", 1989

Составитель Е.Ю. Гениева, кандидат филологических наук, при участии М.Н. Шишлиной
ОСР Бычков М.Н.

{* Тексты статей А. В. Дружинина воспроизводятся по изд.: Дружинин А.
В. Собр. соч.: В 8 т. СПб., 1865.}

Лучшие английские романисты нового времени, Теккерей и Диккенс, в последнее время часто стали подвергаться упрекам по поводу весьма заметного изменения в направлении своих произведений. Оба они, действительно, во многом изменили свой взгляд на людей и общество. Начнем с Диккенса: переход от "Никльби" к "Святочным рассказам", от "Оливера Твиста" к "Household Words", от капиталиста Домби к приторной Эсфири (в "Холодном Доме"), кажется крутым и почти фальшивым...

Вильям Теккерей находится в других обстоятельствах, да сверх того, по личному характеру своему, он сильнее Диккенса. Много трудна, поучительна, обильна сильной борьбой была молодость поэта "Ньюкомов", да не одна молодость, а с молодостью и зрелый возраст. Недавно еще популярность окружила Теккерея, слава загорелась над его длинной головой еще на вашей памяти, и пришла к ней вместе с седыми волосами. В то время, когда мальчик Диккенс повергал всю Англию в хохот своим Самуилом Пикквиком {Обращаем внимание читателя на разное написание имен, фамилий персонажей Диккенса и Теккерея в статье А. В. Дружинина. Мы не считали уместным унифицировать эти написания, потому что они зримо показывают, как критик искал наиболее адекватное фонетическое выражение для английского произношения по-русски, например, Клеив - Клэйв, Вэррингтон - Уаррингтон - Уэррингтон.}, когда первые скизцы счастливого юноши нарасхват читались во всей Европе, автор "Ярмарки Тщеславия" работал для насущного хлеба, опытом жизни узнавал и хитрую Ребекку, и бесчувственную Беатрису Кастельвуд, и сходил с журналистами, воспетыми в "Пенденнисе", и голодал в Темпл-Лене, и был живописцем в Риме, и обманывался в своем призвании, и отказывался от живописи и писал стихи в сатирическую газету "Пунч", и дробил своих "Снобов", по необходимости, на крошечные статейки, что решительно вредило их успеху. "Тоггартиевский Алмаз" написан в самые тяжкие минуты жизни, говорит нам Теккерей; какие же это были минуты, о том мы можем лишь догадываться. "Алмаз" не имел успеха, об "Алмазе" вспомнили через много лет после его напечатания, за "Алмаз" автору пришлось рублей триста серебром, на наши деньги. Странствуя по Европе, Теккерей как-то зажил в Париже до того, что издержал все свои деньги, износил платье и остался без возможности одеться прилично и уехать на родину. Его выручил француз-портной, имя которого наш романист передал потомству, посвятив честному ремесленнику одну из своих последних повестей, с изложением всего дела в кратком посвящении. Из наших слов можно составить себе приблизительное понятие о том, каковы были лучшие годы Теккерея, его долгие *Lerjahre*, ученические годы, исполненные труда, страстей, странствований, огорчений и нужды. Под влиянием нешуточного опыта и борьбы, мужественно выдержанной, сформировалась та беспощадная наблюдательность, та юмористическая сила, та беспредельная смелость манеры, по которым, в настоящую эпоху, Теккерей не имеет себе соперников между писателями Европы и Америки.

Несколько лет тому назад, в одном из наших журналов писателю Теккерей был придан эпитет "бесхитростного": этот эпитет возбудил опровержения и шутки, за свою несправедливость. По нашему теперешнему мнению, слово бесхитростный заслуживало шуток по своей ухищренной тяжеловесности, остатку старых критических приемов, когда слова "чреватый вопросами", "трезвый воззрениями" еще считались отличными словами, - но на справедливость эпитета нападать не следовало. Теккерей - действительно наименее хитрящий из всех романистов, там даже, где он кажется лукавым, - он просто прям и строг; но наши вкусы извратились до того, что по временам прямого нам кажется лукавством. Незирая на свою громадную наблюдательность, на свои отступления, исполненные горечи и грусти, наш автор во многом напоминает своего пленительного героя, мягкосердечного полковника Томаса Ньюкома. Всякий эффект, всякое ухищрение, всякая речь для красоты слова, противны его